

коллегах-литераторах: *Н.Н. Страхова*, *Ю.Н. Говорухе-Отроке*. В некрологе *Ан.Н. Майкову* он называет его «светочем нашей умственной жизни», «хранителем предания», «прекрасным поэтом» (1897. 24 янв.). Обращаясь к сфере образования, Р. отмечает необходимость открытия в стране различных учебных заведений, дающих реальные практические профессии, которые «захвачены у нас не коренными русским людьми, а инородцами и иноверцами». Р. подчеркивает, что, открывая новые учебные заведения, необходимо исправить огрехи существующих, т.к. курсы гимназий перегружены и излишествуют теорией, «“Некогда, некогда...”». Это есть как бы лозунг, под которым была построена вся наша классическая система» (1897. 21 янв.).

Н.Н. Ерёмкина

СВИНЬЯ. Размышляя о феномене удивительного сходства человека с животными, образы которых раскрывают его дух, Р. находит соответствующее себе животное в фигурке С., любясь которой он произносит по-французски: «Voilà mon portrait, pas real, mais métaphisique et intime, et exclusivement adopté pour “Oeuvres complètes de Basile Rosanow” <Вот мой *портрет*, не настоящий, но метафизический и сущностный и чрезвычайно пригодный для “Полного собрания сочинений” Василия Розанова>» (СХР, 221). Образ С. предстает у Р. как *символ* внутренней свободы: «Я свинья и брежу “куда нравится” без всякого согласования с *нравственностью*, *разумом* или “если бы кому-нибудь понравилось”. У меня всегда было желание нравиться только самому себе. По сему существу свиньи я совершенно свободен» (СХР, 221–222). С., традиционно языческий *символ* жизни в ее материально-телесном аспекте (плодородие, плодовитость), наделяется Р. облагораживающими христианскими значениями — смирением и обращенностью к Богу: «Тащится свинья по улице. Эта свинья — Розанов. Морду уткнул в землю. Хвостик свернул “к небу” (вверх). — Чего тебе надо? Ничего» (М, 282). Р. обращает внимание на С. как на древнеегипетский символ плодородия (ВЕ, 150). В древнеегипетском трогательном изображении С. с поросятами Р. видит свои философские идеалы: «сущность материнства», семейственность, которая лежит в основе египетского почитания животных (ВЕ, 87, 131–132). Образ поросят у «корыта (*мира*)» выражает у Р. детскую беспомощность человека в его отношениях с *миром* (СХР, 25).

А.А. Медведев

СВОБОДА. В «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» Р. назвал С. «последним великим идеалом, к которому может стремиться человек» (ЛВИ, 100), и раскрыл этот идеал в пользу его внутренней *природы*: «Свобода есть внешняя деятельность, соответствующая внутренней, и она является осуществленной вполне, когда первая без остатка есть следствие второй. Ясно, что если б человек мог быть разобщенным с прошедшим и окружающим, его внешняя деятельность, которая, однако, должна иметь свою причину, могла бы иметь ее только во внутренней психической деятельности, т.е. его воля вне посторонних *влияний* безусловно свободна. В действительности же когда он соединен с прошедшим и окружающим, его внешняя деятельность

перестает гармонировать с внутренней, и притом всегда в той именно мере, с какою *силою* действует на него внешность. Это значит, что умаление человеческой свободы, ее подавленность или извращение, идет не изнутри его природы, но извне» (там же). Цитируя слова Верховенского из романа о том, что «без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства», Р. пишет в примечании: «Здесь опять встречаем частную *мысль* “Легенды”, что свобода и познание *добра* и зла должны быть взяты немногими, а остальному человечеству должно быть предоставлено повиновение и сытость» (ЛВИ, 126). Тема религиозной С. получила широкое раскрытие в *творчестве* Р. благодаря его полемике с *В.С. Соловьёвым*. В 1894 Р. опубликовал статью «Свобода и *вера*» (РВ. 1894. № 1), в которой с консервативно-православных позиций изложил свою точку зрения на веротерпимость и С.: «Дух *церкви* есть несомненно дух свободы, высочайшей, неосуществимой на земле, святой <...> и она <Церковь> допускает свободу лишь при условии слияния с собою, а не свободу снести с *лица* земли эту святую и водворить на ее место хаос <...> Итак, мы утверждаем, доля свободы, уже теперь допущенной церковью, безмерно превышает ту, которая допустима по существу ее веры в себя» (с. 273–274). В.С. Соловьёв обрушился на статью Р. фельетоном «Порфирий Головлёв о свободе и вере» (ВЕ. 1894. № 2), в котором высмеивал ее автора за его «елейно-бесстыдное пустословие» и религиозную нетерпимость. Р. отвечал ему: «В статье “Свобода и вера” <...> я попытался установить границы так называемой внешней свободы, — в отличие от внутренней, субъективной, которая управляется своими особыми законами и с первою имеет общее только в имени» («Ответ г. Владимиру Соловьёву» // РВ. 1894. № 4. С. 191). В статье «Что против принципа творческой свободы нашлись возразить защитники свободы хаотической?» (РВ. 1894. № 7) Р. подвел итог спора с Соловьёвым и с другим участником дискуссии, *Л.А. Тихомировым*, выступившим со статьей «Существует ли свобода» (РО. 1894. № 4). Два года спустя Р. объяснял мотивы написания статьи «Свобода и вера»: «Настала некоторая всемирная глухота к *истине* и в наши дни; и нет средств преодолеть ее иначе, как жгучей истиной — истиной, которая кусала бы ухо и рвала человека к вниманию... Вот почему, — конечно, в идее только, — статьею “Свобода и вера” я решился нарушить этот всеобщий риторический *мир*: мир, который ложен; мир, под прикрытием которого живет неправда; мир, который не от Христа, но в котором создается царство против Него» (ЛВИ, 361). *Н.Н. Страхов*, однако, не согласился с Р.: «Никогда, никогда Православная Церковь этому не учила: в Ваших мыслях есть существенно католический характер...» (ЛВИ, 362). Но и в 1913 Р. признавал значение своей статьи: «Нет — и теперь я чувствую некоторую *правду* тогдашних мыслей о “нетерпимости”. Это не одна “усталость” во мне говорила» (ЛИ. 1913, 491). 2 августа 1915 *Ф.К. Андреев* в *письме* к *П. Флоренскому* положительно оценил эту статью Р.: «Сейчас как раз прочел Розанова “Свобода и вера” и всю полемику вокруг нее (“Иудушка Головлёв”, статьи Тихомирова и ответы им Розанова). Все розановское произвело на меня очень сильное впечатление» (АФ). В 1913 Р. возвращается к прежней точке зрения: «...прав старый мой